

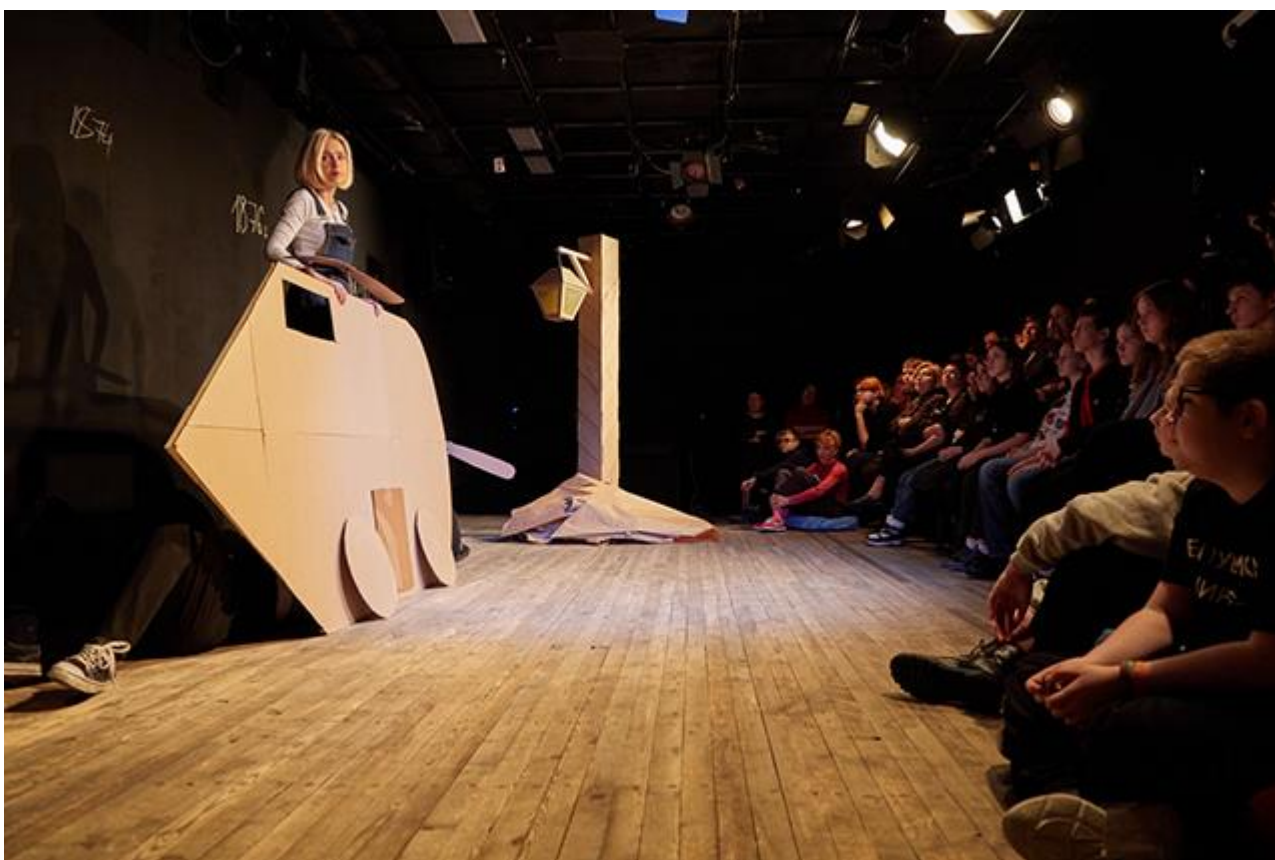
8 апреля 2023

АРИНА ХЕК

ТО ЛИ МЫ ЛЕТЧИКИ, ТО ЛИ ПОЭТЫ МЫ

Вслед за городом Озерском — глубже, на север. «Эхо Большого детского фестиваля» («ЭХО БДФ — Югра») отозвалось в Нижневартовске.

Город для детских проектов кажется вполне перспективным и подходящим. Как гордо сообщает Википедия, Нижневартовск — один из самых безопасных городов России. Вообще, Югра — регион для молодых семей, тихой спокойной жизни в небольших городках, где различные школы-садики и прочие места детского пользования находятся в шаговой доступности. Институту семьи здесь активно уделяют внимание, набережные городов любовно завешивают замками от сердец новобрачных, в Ханты-Мансийске Ольга Власова проводит фестиваль семейных кукольных спектаклей «Варежка», а в самом Нижневартовске проходит «Благовест» — фестиваль для семей, ожидающих ребенка. Короче говоря, о детях ХМАО думает немало.

Сцена из эскиза «...до лампочки!».

Фото — архив театра.

Нижневартовск — город не «лабораторный». Возможно, тягу к рискованному «новому» отбивает сибирский холод, а может быть, югорчанам еще просто незнакома стагнация: сам город возник совсем недавно, Нижневартовску всего 50 лет. Однако, для «города трех поколений» самое время попробовать. Совместно с актерами Городского драматического театра и ТЮЗа (еще пару лет назад бывшего кукольным театром «Барабашка») молодые режиссеры представили три эскиза: «...до лампочки!», «Звучи!» и «Маяковский. Опера». Тема детской лаборатории обозначена просто и ясно — «герои нашего времени».

Герой — личность, выразившая свое время и перешагнувшая его, — должен быть образцом для подражания. Маленький человек, посмотри, впечатлись и последуй примеру. Но эскизам удалось избежать ожидаемого назидательного тона и плоской однозначности главных персонажей. Герои нашего времени оказались не суперменами, а мечтателями, верящими в свою звезду. Практически поэтами.

Героям эскизов приходится преодолевать не невозможное, а чужое и собственное неверие. Как-то случайно совпало, что все три представленных эскиза коснулись образа полета. Это мечта, тяга к преодолению гравитации, к победе над воздухом. Каждый герой эскиза приходит к своей победе по-разному. Правда, победа дается ценой падения.

Сцена из эскиза «...до лампочки!».

Фото — архив театра.

В эскизе «...до лампочки!», поставленном Ленарой Гадельшиной, выпускницей мастерской Александра Галибина, ненавязчивый сторителлинг раскрывает

биографии двух ученых, Александра Лодыгина и Павла Яблочкова. Мечты, казалось бы, легко воплотимы: условная свеча Яблочкова складывается из палочек твикс и пастилы, а вполне реальная лампа накаливания Лодыгина собирается из проводков, колбы и графита. (Вместе с тремя актерами городского драматического театра после спектакля зрители могут попробовать собрать лампочку самостоятельно.) Все идет от головы: в черном пространстве зала нет ничего, кроме картонного уличного фонаря, да и весь реквизит, от крыльев до макета электролета, бумажный, «выдуманный». Однако, всем буквально «до лампочки»: никто не поддерживает идеи молодых бородатых изобретателей — ни электролет, ни свечу Яблочкова, ни лампу накаливания.

Чтобы прийти к созданию своих изобретений, ученым приходится, подобно героям сказки, пройти длинный запутанный путь: один работает на французском часовом заводе, чтобы ему дали лабораторию для опытов, другой отправляется в путешествие без денег и оказывается на грани повешения из-за подозрений в шпионаже. В русской рубахе и кепи Саша Лодыгин наигрывает на балалайке незамысловатую песню о своих безуспешных похождениях за мечтой: «Какие чудачки эти русские». И правда, чудачки. Конфликт гения и общества — смысловой пласт для взрослых. А для детей — кросс-дисциплинарный урок от актеров-товарищей, где попутно подшучивают над «Шинелью» (если бы улицы хорошо освещались, никто бы шинель у Башмачкина не украл!) и прочими узнаваемыми образами. Попытка углубиться в электричество строится на маркерах, узнаваемых образах, которые позволяют провести ассоциацию и тем самым разобраться в физике без занудства.

Сцена из эскиза «Звучи!».

Фото — архив театра.

В эскизе «Звучи!» Дарьи Левингер, выпускницы мастерской Руслана Кудашова, героем становится не столько Валерий Халилов, композитор и главный военный дирижер, биография которого была взята за основу, сколько история о художнике вообще. Сцена уставлена стульями с натянутой поверх одеждой — небольшой оркестр начинает играть под чутким руководством маэстро, однако звуки перестают поддаваться ему и превращаются в какофонию — Халилов погиб в авиакатастрофе. Эскиз строится ретроспективно — вся жизнь пролетела перед глазами. Вот под брюками оказываются коленки в зеленке, маленький Валера семенит среди теней деревьев и прислушивается к звукам природы. Для него весь мир состоит из звуков, сама музыка рождается из природы. Он проходит экзамен в музыкальной школе, абстрактные неудачи и сомнения, никак не может разобраться в составе военного оркестра, без конца переставляя крошечных картонных музыкантов, как игрушечных солдатиков, и, наконец, приходит к успеху — создает марш. Однако, здесь же история неожиданно обрывается.

Сцена из эскиза «Звучи!».

Фото — архив театра.

В общем-то, так же непредсказуемо, как и жизнь композитора. Драматургия эскиза не успела выстроиться на фоне работы с визуальными образами, порой очевидными, порой поэтическими. На протяжении всего пути героя сопровождает его Муза, она и мать, и возлюбленная, и невидимая рука, управляющая дирижерской палочкой. Но она не единственная спутница — с самого начала на авансцене скромно подвешен детский самолетик, напоминая

зрителю об окончательном исходе. Его и понесет над головой вместо гроба Муза, напевая «Звучи!» Дианы Арбениной. Нотные листы разлетятся по залу. Жизнь оборвется, звук останется.

Неожиданно оборвется и жизнь футуристов в эскизе «Маяковский. Опера» Никиты Герасимова. В основе эскиза не только биография Маяковского, но и пьеса Евгения Ионова «Футурист», повествующая о поэте и летчике Василии Каменском. Вместе со своими персонажами режиссер отказывается от академического знания и откровенно стебется над пафосом истории. Экзальтированная лекторша в лучших традициях ведущих филармонических концертов оглашает этапы жизни поэта, а отец Володи разыгрывает вместе с куклой-Маяковским собственную смерть, по-оперному трагически и смешно, с посмертной арией и долгим умиранием.

Сцена из эскиза «Маяковский. Опера».

Фото — архив театра.

Наверное, такого мог ожидать зритель от оперы. Но режиссер настаивает: Маяковский не священный и мертвый портрет на стене в кабинете русички, а персонаж живой, времени буквально нашего — футуристы переполнены юношеским максимализмом и запальчивостью, фотографируются на фоне черного квадрата, мычат и показывают «козу», устраивают поэто-рэп-батлы. Статный Бурлюк в цилиндре и внеземной Хлебников в мантии священника зачитывают свои стихи под энергичный бит — на одной волне с детской аудиторией. Вместо лекторши шефство над историей берет Революция — в кожанке и красном платке. Появившись вместе с литературными революционерами, она же их и убивает. Под жизнеутверждающий трек Васи

Уриевского «Жить хорошо» обмякают тела героев — Революция нажимает на затвор фотоаппарата.

Лаборатория предложила ребенку широкий спектр возможностей, не сказочных, а вполне реальных, со своими рисками, но и с осязаемой важностью достижений. Быть героем — значит положить все на карту будущего и, скорее всего, разбиться. Героями века стали упорно верившие в свою мечту: чудаковатые неумомимые изобретатели Лодыгин и Яблочков, чуткий и упорный музыкант Валерий Халилов и отчаянная компания футуристов во главе с Владимиром Маяковским.

Сцена из эскиза «Маяковский. Опера».

Фото — архив театра.

Ни песни

Ни строчки

Взорваться к рассвету

То ли мы летчики

То ли поэты мы...